

1996 N15

СЛОВО * ЦИРДАМОДАНЦ * Ц

ВИКТОР КРИВУЛИН ТЕКСТЫ ВРЕМЕН ЧЕЧЕНСКОЙ КАМПАНИИ

ВОСКРЕСЕНИЕ ПОД НАРВОЙ

омоновцы охранники бандиты
одноипцовые зачем вы близнецы
размножены откормлены забиты
и похоронены близ Ниццы
и в жирный прах обращены
и воскресаете под Нарвой
для новой славы кулинарной
яичницы и ветчины!

ВОЕННО-ПОЛЕВАЯ ЦЕРКОВЬ

восстановленные в попранных правах
пуля-дура и судьба слепа
девки со свечами в головах
с каплей воска на подоле облета
полевую церковь свежей кладки
бог из бетономешалки
бог усвоивший армейские порядки
по ускоренному курсу в караулке
рядом с Маршалом чугуным на лошадке
как собачка с госпожою на прогулке!

СОЮЗ ЗЕМЛИ И ВОДЫ

коротким ли прерывистым ли хриплым
дыханием - а все-таки дышу!
и дальше - ошалелая от рытвин
открытая дождю карандашу
машине пишушей - проселочная книга...
и дальше... звать бы дальше - кто да
что
один спивается другой не вяжет лыка
а третьему везде мерещится пальто

гороховое, хвостик из-под полы
игривый оборотистый веселый
с такою кисточкой живою на конце

как бы для мастера венецианской школы
чтобы ловить сверкнувший из гондолы
осколок солнца в золотом кольце -

когда на праздник обрученья с морем
сквозь мутное стекло не отрываясь
смотрим
сквозь дождь мерцающий в болотце-
озерце

ДЕДОК

каучукового шланга вседержитель
демиург заржавленного крана
из кустов искусно спрятавший служи-
тель

дирижирует капризами фонтана
лет как восемьдесят трудится осколок
зеркала парадного, порядка
прежнего - дедок из поселковых
соработник взлета и упадка

водяных столбов, имперской дыбы...
начинал грома дворцовые фарфоры
был шестерской у Дыбенко, на Турксиде
выбился в директора конторы

по мелиорации - откуда
загремел простым каналармейцем
под Медвежьегорск но из-под спуда
взмыл под облака - учиться к немцам

обезвоживанию и обводнению

МЕТАМПСИХОЗА

Метампсихоза - это значит мне
по меньшей мере выпадет родиться
близ моря, в маленькой воюющей стране,
чей герб лазорево-червлённый
подобен допотопному зверинцу
сплошные львы орланы и грифоны
и черт-те-что на небесах творится

у горизонта - горб супердержавы
как тени сизые, смешались корабли...
на крабьих отмелях, в раку-

шечной пыли
сияло детство ярко, среди
ржавой
подбитой техники искали что

взорвать

куда прицелились для смерти и для славы
посмертной - чтобы как-нибудь опять
воскреснуть в государстве островном

НЕПРОСТОЕ ВРЕМЯ

были времена застоя
стало время непростоя
время тоже непростое

где Господства? где Престола?

где живая пирамида
Псевдоареопагита?

люди паспортного вида
люди-шлепальцы с Болота
окупают просторы
Мирового Огорода

где зарплата? где работа?

где веселые ребята?
все чем жили мы когда-то
стало плоским как лопата

грабли топоры корыта
инвентарь твой о свобода
нынче свален позабытый
в бывшей ризнице собора

где всегда хранили метлы
транспаранты и плакаты
где начальник полумертвый

со времен еще блокады
из стены глядит куда-то
в даль без цвета и заката

ЮРАСИК -ПАРК

что в душе весна и слякоть - что снаружи
наша русская Юра среди разрухи
перепончатые лапчатые лужи
рыбоящеры спуют и птицебрюхи

искрометное сверканье битых стекол
в аккуратную сгребенных пирамиду
чья вершина истекает свежим соком
с виду - клюквенным, на вкус - солоноватым

перемены, место новому порядку
расчищает механический уборщик
от гармошки голосующей вприсядку
лишь круги расходятся, разморщив

пленку радужную сна и солидола
перепончатые лапчатые лужи
когти челюсти рога а то и хуже -
щит рекламный с телефоном "Мотороллы"

35. СТУДЕНТ КОНСЕРВАТОРИИ ШОСТАКОВИЧ СЛУЖИТ ТАПЕРОМ В КИНОТЕАТРЕ "ЭДИСОН"

черно-белую кинуху
нам крутили в "Эдисоне"
подбирал тапер по слуху
аллегretto для погони

пальцы брызнули как мыши
клавиши топя все глубже
лошади рванули, в луже -
взрыв копыта, бомба... мы же

вынесенные к обрыву
обмерли от панорама
неба съехавшего криво
с края необъятной ямы

словно крышка от кастрюли...
и в зоре серповидном
выглядел неочевидным
свет свищевой, цвета пули

вида шариков шрапнели
мы сидели в "Эдисоне"
мы самих себя смотрели
чувствуя к своей персоне

интерес луча и звука
юный Дмитрий Шостакович
словно молот-серпухович
бил из-под экрана в ухо

вог финальное стакагто
ужас. мураши по коже.
мы вставали как солдаты
под скрипенье реостата

в наступившей нехорошей
тишине и темнотиче
но углями в пепелище
раздуваемыми тела

люстра что над головами
как летучая тарелка
накренившись просвистела
вспыхнула, разорвалась...

39. ВОСЬМОЕ МАРТА, ПЯТНИЦА

у остывающего труппа
разогревается рок-группа
развесивши аппаратуру
грядут большие децибелы
басово-сизые обстрелы
дым черно-бурыи

навстречу таякающим лисам
летят знамена с чем-то лысым
и пламенеют орифламы
усы топорща.
меняет "мерседес" на "порше"
господ - на дамы

начальник пятничного хора
он будет скоро
там где родной его проселок
разъезжен в зюзю
где утопающему гусю
плывет на помощь поросенок

40. ПИЩАЧЬЕ, ДЕТИ, УМИРАЕТ МАРТОВСКИЙ СНЕГ

в марте - хриплое зренье, такое богатство
тонов
серого, что начинаешь к солдатам
относиться иначе, теплей, пофамильно,
помордно:

вот лежит усредненный сугроб Иванов
вот свисает с карниза козлом бородач
желтый пласт Леверкус, Мамашвили у края
платформы

черной грулой растет, Атагуев Казбег
перживший стребание с крыши, трещет
лошутками белья в несводимых казармен-
ных клеймах...

Каждый снег дотянувший до марта - уже
человек
и его окружают ненужные мертвые вещи
а родители пишут ему о каких-то пробле-
мах

да и письма их вряд ли доходят

ТОРЖЕСТВО ЧАСОВ ПЕСОЧНЫХ НАД МЕХАНИ- ЧЕСКИМИ

заунывное сперва по кругу бормотание
возрастанье темпа выкрики приплясыва-
ния -
и свистящая спираль маго-метания
с силой расправляется разбрасывая

комья почвы сапогами утрамбованной
камни арматуру со стройтельства
брошенной лечебницы психованной
для придурков из последнего правитель-
ства

это их - не наша остановка времени
в механических часах подвизших черной
гирею

над вокзалом где столпотворение
где поют сирены и спуют валькирии

где на месте кровли - ночь прямоугольная
светлые дымки на фоне звезд бесчислен-
ных

так работает подмога дальнбойная
что вокруг песок, один песок бесчинствуя

из ладони на ладонь пересыпается
это ли не есть развейванье прошлого
по пространствам где не просыпаются
без молитвенного воя полуночного?

Март 1996, Санкт-Петербург